

WWW.UNILIB.RS

УНИВЕРЗИТЕТСКА БИБЛИОТЕКА

Ш О Д У Н А В К А.

№ 31.

У Суботу 29. Юлія

1844.

У Н О Ђ И.

Горду главу сјайна луна
 Съ ведрог' неба пружила,
 И свѣлости райске пуна
 Любке зраке спустила,
 Сву површност озарила
 Лучам' дивне зрачности,
 Сѣнь и сваку одгонила,
 Преужасне мрачности.

* * *

Тихій зефиръ сладко пири,
 Свудъ несташно облеће,
 Лакокретна крилца шири
 Умилято на цвеће.
 Огнито у тишину
 Све почива естество,
 Благог' санка ерѣ милну
 Вѣчно стере божество.

* * *

У покою и ты спавашъ,
 Нимфо моя, сладостномъ,
 Румень зорну ожидавашъ
 Санку садъ у радостномъ;
 Ал' на мое плачне очи
 Жельный дремежъ неслази,
 Горка суза изъ нѣи с' точи,
 Сва м' утѣха одлази.

* * *

Ты, о луно сребросјайна,
 Неба дична царице!
 Чувства мени откри тайна
 Виткостасне блице;

Ньой а опетъ тугу мою
 Ты изтолкуй зефиру,
 Чувствителност носимъ кою
 Садъ у любви немиру!

Ђ. М. Деспотовиѣ.

ПОХВАЛА

АРМОДИЈУ И АРИСТОГИТОНУ 1).

(Съ Еллинскогъ слободаѣ преводъ.)

(Изъ артіа покойнога Вукашина Радишића.)

Грани у миртовой 2) бритка љу носити мача,
 Ка'но Армодіе, Аристокитонъ и славни,
 Кад' смртъ тирану 3) зададоше,
 Подъ раванъ законъ 4) градъ 5) подвеше.

Драгій Армодіе, ниси јошть умро, ниси!
 Кажу те, да си у отров'ма блаженъ 6) житель,
 Там', гдѣ і' и брзы ногу Ахиллъ,
 И съ њимъ Тидидовъ сынъ Діомидъ 7).

* * *

Грани у миртовой бритка љу носити мача,
 Ка'но Армодіе, Аристокитонъ и славни
 Минерве кад' на жертвам' 8) крвной
 Хишпарху люди 9) смртъ нанеше.

Вѣчно, юнаци, вамъ име ће бити на земљи,
 Драгій Армодіе, Аристокитоне милый!
 Тирану, кад' сте смртъ задали 10),
 Подъ раванъ законъ градъ поднели!

П Р И М Ъ Ч А Н І Я
НА ОВУ ПОХВАЛУ.

1) Армодіе и Аристокитонъ были су два поштена и правдолюбива Атинска грађанина, два присна друга, кои су увреме, кад' е тиранство по граду имъ бѣснило, задали еданъ другому тврду вѣру, да сваку неправду, буди коме одъ нѣи двоице учинѣну, сматраю као обшту и собствену, и да се сложно за ову освећую, као што су заиста то и радили.

2) Кад' су Елини празновали тако — званый свой старый свенародный праздникъ *Панатиней*, обредъ е праздника изискивао, да свакій у руци носи за оно време по едну грану одъ мекацкога и зеленога мирта. Какву е послугу учинила ова грана Армодию и Аристокитону, то ће разяснити слѣдуюће подуже примѣчаніе.

3) Тиранинъ е овай быо Хиппархъ, братъ свога наслѣдника Хиппіе, а сынъ великога и политичнога Писистрата. Докле нѣе Хиппархъ погинуо, оба су ова брата кралѣвали у Атини по наслѣдству свога отца. Осамнайсть година были су они прилични подражателѣи у свему свога предходника. Но еданъ путь Хиппархъ почне различна беззаконія чинити, и зато два вѣрна друга Армодіе и Аристокитонъ заключе међу собомъ Хиппархову смръть, за кою накупе и други помагача. Кад' дакле о празнику Панатиней и Хиппархъ на явно торжество овога дође едномъ међу народъ, и почне се већ у храму приносити празднична жертва, онда два заклета брата свакій у своіой густой миртовой грани понесу по еданъ оштаръ мачъ, те ту тирану зададу смръть, и повикавши народу: „Живѣте одсад' у слободи, мили саграђани!“ одмах и сама падну жертвама за правду и слободу. Братъ Хиппарховъ Хиппія дышући духомъ освѣте надъ свима оныма, кое е предпоставляю за участнике сазаклетве на свога брата, увати међу овима и неку жену, именовъ Леену, кое юначтво вреди спомена. Кад' ю е Хиппія дао свакояко мучити, да бы одъ нѣ докучіо све редомъ сазаклетнике, она онда, немогавши вѣћ одолѣти послѣдњима најжестѣиша мучама, и побоявши се, да одъ овы приморана неча штогодъ, прегризе сама себи языкъ и отпадне га у лице тиранина. За споменъ овога юначтва Атиняни подигну у Атини кумиръ, представляюћій Леену безъ языка. Хиппія по томъ у стра-

ху, да и самъ непрође братовымъ трагомъ, нау-ми утврдити се помоћу иностраня саюза, а особито свезомъ са Шпартанцима. Но у томе поквари му посао породица Алкмеонида, кои истерани изъ Атине іоштъ одъ отца му Писистрата, обнове и украсе Делѣійскій храмъ бога Аполлонна, те тако добыю пророчицу овога Питію на свою страну. Молившима іой се дакле Шпартанцима за савѣтъ у едной нѣиной тескоби, обећа она заштиту, ал' ако ослободе Атину одъ Хиппарха. На тай предлогъ по маломъ времену истераю Шпартанци тиранина изъ Атине управо оне године, кад' су протерани и кралѣви изъ Рима. Види се дакле, да су прво и најглавиѣе орудіе ове свѣтле у Атини премѣне были Алкмеонида, но народъ простъ, коме е скорашность одъ веће цѣне, волю е за ослободителъ свое сматрати Армодія и Аристокитона, коима е у то име подиго на тржишту и андріасе (штатуе).

4) Овай законъ быо е грађанскій Уставъ, чунъ духа правде, слободѣ и еднакости свакога грађанина предъ лицемъ законика.

5) Градъ овде особено значи Атину, а у обште сву Атинску область и грађанство.

6) Острови *блаженны* есу тако звана у Митологіи Елисейска поля, у коя су долазнили и живили само они духови людій, кои су у свѣту овомъ любили истину и творили правду. Па есу ли могли изъ овы испасти и Армодіе и Аристокитонъ?!

7) Ко е Ахиллъ, о томе Омиръ у Илиади пространо учи, а о Діомиду читай у Омир. Одиссея п. 181.

8) Читай треће примѣчаніе, у комъ е ово мѣсто већ изьявљено.

9) *Люди* овде значи *людини*, и естъ един. дател. падежъ одъ имен. люда.

10) Армодіе и Аристокитонъ у оно време морали су быти тираноубице; ерь тиранинъ нѣиногогъ отечества быо е тако утврѣенъ, да га се прогнаніемъ нису могли отрести. Нѣима е дакле у правди сѣвтана и ова похвала и андріаси подъ вѣицима уздигнути. Али данашній политисамъ Европе упразднио е, како много друго кошта одъ стары времена, тако и древный обычай, увѣичавати тираноубице. Данасъ се вѣнаца достойныма суде само едни тиранствоуби-

де, а не и тираноубице. Кад' на руци стои способъ, протерати тирана изъ земль, коя подь нѣмѣ стѣнѣ, свагда е и праведнѣе и болѣ избирати за нѣга изгнаніе изванъ круга мучимогато одъ нѣга народа, него му у томъ кругу смрът наносити. *Праведнѣе* е ово за то, што тиранинъ само онда подноси сразмѣрну своимъ злыма дѣла казнь, кад' онъ изванъ отечества сѣдеши, сеѣа се своихъ дѣла, па ако има иоле савѣсти, гризе се, и самъ се за нѣя убія, а ако ове нема, онъ опетъ и отуда чезне за своіомъ силомъ и славомъ, (ако тиранству пристои слава!) те опетъ у желыма тае и мори се. А *болѣ* е за то, што народъ остае сасвимъ опранъ предъ светомъ и чистъ предъ Богомъ, кад' е тирана свога предао на судъ и смрът самое свое тиранину, и ніе ктео нѣговомъ крвлю умилостивлявати лице свое земль, нит' у ову после пріймати нѣгово тѣло, па тако нехотице давати му недостойно опрощенѣ и оправданѣ, а на себе зазоръ навлачити. Похвале е вредно юначество, ко убія само тиранство! —

А Д А Н У!..?

СРБСКЕ ФАБРИКЕ И УШТЕДДЕ.

У свакој Србској кући сеоској преде се куделя, и тка се одъ нѣ платно, а тако се преде и вуна, и тка се одъ нѣ сукно, и то све за своју домаћу потребу и ношиво. Наша ова обадва рукодѣля и едра су и яка, и была бы доиста за наше солдате много боля и потрајнија, пакъ и еѣтанија, одъ иностранскога подобнога фабриката, кое мы досадъ за нѣя купуемо и набавлямо, а имаюћи при томе и свое добре бояціе у свое отечеству. Преко свега іошъ тога и ово е неоспорна и не маловажна полза, што бы за то све издаванный новацъ остаю у нашему народу, и што бы се одъ годъ до годъ издѣля овога вѣштину, доброта и лѣпота према препоруцъ и траженю дизала и напредовала. Ето намъ дакле и ту приличне уштедде, ако бы башъ и сами офицеры танко и фабрично сукно и платно употреблявати непрестаали; а кад' бы іошъ не само сви офицеры, него и сви наши чиновницы ове обѣ домаћега издѣля струккѣ непремѣнно предузели употреблявати, было бы доиста и много знатнија полза и уштедда отечеству и народу Србскомъ — и промая — .

Кадъ е земљотресъ 1755. г. у Португаліи столичный градъ Лиссабонъ тако страшно разоріо, да е отуда и сва држава штету опазила, онда е краль Португалскій, за накнадити ту свеобшту штету, а и за пробудити и процвѣтати отечественна рукодѣля, начиніо самъ себи одъ простого сукна и платна потребне му хальине, и такове начиняти и носити заповѣдіо свима званичницима своимъ и свему воинству, пакъ е тако до мало времена не само постигао што е желіо, него е и обучіо и обогатіо свой народъ.

Къ томе іошъ еданъ примѣръ ево: предостойный свога рода и мѣста царъ Аустріе Іосифъ второй често е особитима лицама дике ради показивао свое хальине, да су то све одъ Аустрійскога и производа и рукодѣлца правльне.

Симеонъ Милутиновићъ
Сарайлія.

ГОЛУБОВИ И СОВУЛЯГА.

(Басна, съ нѣмачкогъ.)

Кобацъ еданъ путь ухвати едногъ голуба и изеде га. Други голубови држау скушштину, да се договоре, кодъ кога бы се за то потужили, сви рекоше: „Кодъ совуляге.“ Совуляга е пакъ птица съ великомъ главомъ и веѣа е одъ орла. И тако голубови кодъ нѣ тужише кобца; зато, да іймъ она право суди, ербо е онъ едногъ одъ нѣюве браѣе убіо.

Кадъ е совуляга была нѣіову тужбу саслущала, онда іймъ она съ дубокимъ гласомъ и са здраво отворенымъ клюномъ одговори: „Клокъ.“ На то голубови межу собомъ говорнише: „Ахъ, како лепо говори! Она ѣе заиста кобца на еданъ махъ прогутати.“ Кобацъ се опетъ залети и уграби іоштъ едногъ голуба, Голубови одоше къ совуляги говорѣши: „Суди намъ по правди!“ Она іймъ одговори: „Клокъ.“ Голубови межу собомъ рекоше: „О како му страшно претти: она ѣе врло добру пресуду изреѣши.“ Кобацъ украде и треѣнегъ голуба. Голубови одоше и треѣній путь къ совуляги, молеѣи е, да кобца казни, она іймъ опетъ одговори: „Клокъ.“ Кадъ су они ово чули, рекоше: „Шта ѣе то реѣши, да свагда „клокъ“ говори, а нама нигда правицу неда? Мы ѣемо се нѣне власти одре-

ли, а съ нѣомъ ѣемо као съ варалицомъ и лудоглавомъ поступати!“ Одтудъ то долази, што голубови и проче птице на совулягу нападаю и ню хватаю, и совуляга се само зато усуѣуе ноѣу излетати; ербо бы е иначе птице убити могле. Тако исто говори веѣа часть великаша, кадъ се сиромаси збогъ нанешене ймъ увреде кодъ нѣи потуже, да ймъ право суде: „Мы ѣемо вамъ помоѣи.“ Они говоре само „кlockъ,“ и опетъ нечине нигда ништа. Тако исто и несигурни люди, кои обеѣаваю, свагда кажу: „кlockъ, кlockъ,“ то естъ я ѣу дати, и опетъ никомъ ништа недаду, докъ йѣ люди найпосле непознаду, да су лудоглави и варалице, те йѣ онда оставляю.

Д. Авраамовиѣъ.

ИСКРИЦЕ.

III.

Хотѣо бы я, да ми се покаже до дна, югославенскій народе, духъ твой непознатый; хотѣо бы сваку рѣчь разумѣти твога знаменита гласа, и съ тобомъ говорити, како говори человекъ съ миломъ любомъ своѣомъ. Нитко те добро йошь непознае одъ оны, кои ти говоре; нитко немѣри управъ слабости ни крѣпости твое; — а како ѣемо ти помоѣи, непознаваюѣи те? Гдѣ ти се починѣ и свршуе рана, невидимо, а како ѣемо ю дакле лѣчити? Велико се хоѣе срце, пуно любави, да ове ране разгледа и лѣчи. Валя йѣ преметати брзо и лагано съ милосрдѣемъ, валя почитовати болестника као Исусово тѣло.

Ниси ты кривъ народе бѣдный, ако ти животь пролази у незнанству и смраду. Достойни бы были силни удови твои, народе лѣпный, да чистѣ одѣло обучешъ; али бы валяло да непромѣнишь съ одѣломъ и чувствованѣ твоѣ, и лѣпша кошуля да ти несакрива нечисту душу.

И да бы те добро познавао, народе драгий, небы я могао све оно взреѣи, што видимъ, небы ты мого све ни чути. Небы я могао, а нисамъ ни достоянъ да кажемъ толикимъ душамъ истину спасоносну. Я мыслимъ кад-кадъ на

туге и неволѣ твоѣ, али йѣ неоплакуемъ онако, како бы дужанъ быо; нису менѣ све ране твоѣ предъ очима, нисамъ ни удѣ живый тѣла твога. Дай ми, о Боже, да све жалости человеческе учине у души моѣой великѣй складъ, да веѣу дубль чуемъ, маню ласнѣ, те да се у овомъ великомъ мору суза сузе моѣе изгубе, и да се съ братинскимъ мило помешаю!

ОТМѢНА ГОСПА.

Една врло пристойно обучена Госпа, украшена съ великимъ перомъ на шеширу и свиленимъ альфинама, ступи у едну Берлинску отмѣну продавницу моде и други украсны стварѣи, учини поклонъ, и проговори у дуѣану налазеѣемъ се калѣи: „Господару, я потребуемъ едно мало угожденѣе“; „съ драге волѣ,“ одговори овай. „Опростите ми: една ми се пантльика на ципели одшила, и будуѣи ми е съ тимъ ходъ врло несносанъ, йошь при томъ самъ удалѣна одъ обиталишта, а у овой части вароши съ никимъ познанство немамъ, то видимъ себе принуѣену, кодъ васъ помоѣи потражити; и я васъ молимъ, да мы иглу и конаць дате, да бы ю прешити могла.“ „Съ драге волѣ,“ быо е опетъ одговоръ. — Калѣа отиде одма у близку собу, и доѣе съ потребнимъ натрагъ. Госпоя замоли, да бы ю за болю угодность съ едномъ собомъ послужили. Съ великимъ высокопочитанѣемъ была е молба уважена. После неколико часака была е штета намирена. Госпа се препоручи йошь еданпутъ, благодари за указану йѣй честь и остави дуѣанъ.

Текъ што е неколико часака прошло, йошь нико небѣаше у дуѣанъ ступѣо, примѣти калѣа, да е едне скупе спаваѣе капе, коя е на едномъ столу лежала, нестало. — Сва истраживана, да се ова отмѣна Госпа пронаѣе, была су суетна.

Светозаръ Јовановиѣъ,

Слуш. I год. Филозофѣе.

НОВА КНЪИГА.

Лукѣана Мушицкогъ Стихотворенѣи. Книѣига треѣа (Славенска). Скупѣо и издао Георгѣи Мушицкѣи, Медицине Докторъ и Султанскогъ Нишанъ-Ифтихара Кавалѣръ. У Новомъ Саду писмени Јоанина Д. Каулицѣи и. н. привѣл. Типографа е. 1844. — На 8-ку, стр. XII. 243.

Учредникъ Милошъ Поповиѣъ

Издано и печатано у Правителственой Книѣгопечатнѣи у Београду.